

...Первое, что вторглось в сознание Трикси Луламун Смит, было ритмичное пиканье кардиометра. Судя по ощущениям, она лежала в кровати на спине, раздетая и укрытая тонким одеялом.

Последнее, что единорожка помнила, это то, как она в отчаянии кричала на Стивена Агилара. Тот пришел увести Трикси от могилы жениха, где пони решила оставаться до самого конца.

Жизнь без Питера не имела смысла. Даже на свободе, которую единорожка получила от властей с молчаливого согласия родственников покойного.

Трикси открыла глаза и увидела белый потолок медицинского блока и нависающие сверху манипуляторы робота-врача. Тот, мигая зелеными и желтыми огоньками, заменил пузырьрек капельницы, ведущей в катетер на передней ноге.

– Инструкция доктора Ремеди номер один, – механическим голосом заявил автодок, – после пробуждения выпить стакан воды.

Трикси повернула голову и действительно увидела на тумбе стакан. Жажды пони не испытывала, что странно, учитывая, сколько времени единорожка просидела на кладбище, забыв про все, кроме своего горя. Но спорить не хотелось. Не хотелось вообще ничего.

Стакан окутался сиянием и подлетел к мордочке. Сделав глоток, Трикси подумала, что видимо капельница – это внутривенное питание. А находится она, очевидно, в гостях у Стивена Агилара, друга Питера.

Догадка подтвердилась, когда в сопровождении вороной единорожки в белом халате вошел сам хозяин ранчо. Позади них маячила еще розовая прыгающая фигурка, но дверь лазарета захлопнулась перед ее носом, заглушив возмущенный писк.

– Зачем? – только и спросила Трикси, и сама поразилась, как тихо и жалко это прозвучало.

– Ты полагаешь, Питер был бы рад твоему бездыханному телу на собственной могиле? – взял быка за рога Стивен, и синяя единорожка не нашла, что возразить.

Только уши смущенно опустились.

Ворона единорожка молча подошла вплотную к кровати и сверила показания приборов с парящим рядом планшетом. Что-то отметила.

– Как мне теперь жить без него? – спросила Трикси, чувствуя, как на глаза по новой наворачиваются слезы. – И зачем?

- Время покажет, – отрезал Стивен. – Главное пока – живи. И не отталкивай тех, кто хочет помочь... Кстати, тебе письмо. Вот.

Он протянул свиток из имитатора бумаги.

Но прежде, чем Трикси развернула послание, подала голос единорожка-врач, бейдж на халате которой говорил, что это как раз и есть доктор Вельвет Ремеди.

- Прежде, чем будешь читать, ляг на живот. Истощение и обезвоживание такой степени нужно компенсировать витаминами и питательными веществами.

- Что?

- Круп, говорю, подставь для укола, Джульетта.

Подтверждая слова, в сиянии взлетел довольно большой шприц.

Трикси, выпучив глаза, спросила:

- А без этого нельзя обойтись?

Даже чувство всепоглощающего горя отступило перед сиюминутным страхом боли. Трикси никому не говорила, но с детства боялась уколов.

- Раньше надо было думать, когда доводила себя до такого состояния, – буркнула доктор. – Я долго буду ждать?

Трикси покосилась на Стивена и покраснела. Да, пони в Эквестрии ходили без одежды, но прожив в мире людей довольно длительное время, Трикси привыкла к их этическим нормам.

Человек улыбнулся.

- Я вас оставлю, девочки.

Выходя из лазарета, Стивен еще успел услышать шлепок и громкое «ОЙ!»

Что в письме, он и без того знал.

Клубная принцесса Селестия, искренне желая поддержать синюю единорожку, посылала ей слова поддержки и сочувствия, а еще просила довериться Стивену и живущих на ранчо пони.

Негласный лидер всех клубных пони позднее и сама собиралась нанести поняше с израненной душой визит, лишь только та немного окрепнет.

И хотя белоснежная аликорн не имела воспоминаний об Эквестрии и знала всю правду, но понимала, что иногда пони нуждаются в поддержании своего мифа.

Любая из них в клубе могла получить правду, но лишь тогда, когда будет к ней готова.

Усугублять состояние Трикси еще и знанием о том, что Эквестрия – это древняя коммерческая выдумка производителя игрушек, было бы слишком жестоко.

И синей единорожке предстояло еще научиться жить заново...

...Трикси, получив в круп довольно чувствительный укол, подавила желание спрятаться под одеялом с головой.

Она нашла в себе силы оглянуться на пони-доктора и подумала, что никогда не видела такой единорожки.

Вообще, вороная масть среди пони была редкостью, если только речь не шла о ночном народе, фестралах, что служили принцессе Луне и за время ее изгнания превратились в легенду.

– Не гадай, где видела меня, – сказала тем временем врач, сверяясь с показаниями медицинского планшета-компьютера. – Ты меня вряд ли знаешь. А вот я тебя знаю.

– Великая и Могущественная Трикси... – начала было синяя единорожка, но доктор перебила:

– Да, и кое-что в тебе не изменилось и за триста лет.

– Не понимаю...

– И не надо. Вот отдохнешь, соберешься с силами... Кстати, настало время для инструкции номер два.

Трикси жалобно прижала уши:

– Еще уколы?

Вельвет Ремеди только рассмеялась. Очень мелодичным и добрым голосом.

- Нет! Просто тебе надо съесть супчик.

После этих слов в бледно-голубом сиянии к Трикси подлетела горячая пиала, в которой и вправду оказался жиденький суп-пюре.

Трикси уже хотела было возразить, но ноздрей коснулся аромат овощей и специй, после чего животик издал предательское бурчание.

Вельвет снова улыбнулась и требовательно подвинула пиалу прямо к носу Трикси. Та послушно осушила емкость и вздохнула:

- Вы все ведь теперь не отвяжетесь от Трикси, да?..

- Не надейся. Уж если Стивен вытащил с того света Пинки Пай, то и тебе туда в ближайшее время не светит.

- Ты не знаешь, каково это... - Трикси уселась на кровати, пряча взгляд, - в одночасье потерять смысл, стержень...

- Ну так расскажи мне, - вдруг сказала доктор и вдруг залезла на кровать и обняла синюю единорожку.

- Зачем тебе это? Причинить Трикси новую боль?

- Во-первых, я доктор. И может быть, тебе и вправду станет легче, если ты выговоришься. А во-вторых... во-вторых, я тебе потом скажу.

Трикси, глядя в сторону, долго собиралась с мыслями.

Многое из того, что с ней произошло с тех самых пор, как она покинула Эквестрию, она смогла понять далеко не сразу.

И наверняка ворона единорожка спрашивала не о том, как Трикси делала первые робкие шаги в этом огромном и недружелюбном мире.

- Что ж, - тихо сказала она, - тогда слушай...

* * *

...Питер Смит возвращался с работы.

Настроение было приподнятым: клиент, переговоры с которым ввергли в депрессию и нервный срыв уже трех менеджеров, были блестяще завершены. Питер получил от начальства благодарность и премию, а еще репутацию человека с непробиваемым оптимизмом в душе.

Секрет был прост. Прост, любим и ждал Питера с работы в квартире, пообещав «приготовить на вечер что-то особенное».

Юноша улыбнулся, открывая дверь и заходя в лифт. Трикси Луламун, синяя единорожка, появившаяся в жизни Питера, стала ярким лучом света в беспроглядной тьме одиночества и тоски.

Первым лучиком стал сам сериал, вторым – клуб. И Питер, почувствовав к никем не понятой, одинокой единорожке непреодолимую симпатию, пару месяцев назад решился.

Появившаяся в его доме синяя пони с эквестрийскими воспоминаниями в рогатой головке оказалась... совсем как настоящая девушка. С поправкой на понячий облик и мировоззрение, но это только придавало ей шарма.

Специфика программы ограничивала воспоминания синей единорожки двумя сезонами сериала, так что та не имела друзей в своей прошлой жизни. И ухватилась за подвернувшуюся возможность исправить это, как утопающий за соломинку.

...Открывшаяся дверь встретила Питера волной запахов, от которых закружилась голова, а живот издал требовательное урчание.

– Трикси, я дома! – громко сказал парень, заходя в квартиру.

– Великая и Могущественная Трикси приветствует тебя! – в привычной манере раздался в ответ голос пони. – Иди в комнату, у Трикси почти все готово!

Переодевшись и умывшись, Питер с улыбкой прошел в комнату и чуть не ахнул.

Низкий стол был уставлен всевозможными яствами экзотического вида. Из всего великолепия Питер узнал только суши, остальное было незнакомым, но пахло восхитительно.

А еще на столе стояли длинные свечи, бросающие на стены ровный, приглушенный свет.

Раздалось цоканье копыт, и в дверях появилась Трикси Луламун. В розоватом сиянии кинетического поля парила бутылка с вином и пара бокалов, а сама пони была одета в черное с серебром платье. Сложную прическу украшала диадема, а на мордочку наведен неброский

макияж.

- Трикси... - растерянно проговорил Питер. - Это все... просто восхитительно. Но почему?

Пони проследовала к столу и поставила на него бутылку.

- Все вопросы ты задашь Трикси позже, - с апломбом заявила она. - А теперь - садись!

Ужин прошел как обычно: пони и Питер обменивались впечатлениями дня, но парень явно видел, что единорожка что-то замышляет.

И точно. Когда с ужином было покончено, свечи уменьшились наполовину, а вина в бутылке осталось лишь на палец, немного раскрасневшаяся от алкоголя Трикси, сидящая напротив, сказала:

- Теперь настало время вопросов для Великой и Могущественной Трикси!

Питер улыбнулся.

- Ну, для начала я хотел бы поблагодарить тебя за столь великолепный вечер, - сказал он.

- Великая и Могущественная Трикси старалась!

- Почему сегодня? Ты ведь не знала, что у меня на работе?

- Не знала. Но причина в другом!

- В чем же?

Единорожка встала и подошла к сидящему на полу человеку. В таком положении их лица были наравне. Питер почувствовал, как его сердце забилось чаще при взгляде этих бездонных глазниц.

- Великая... и Могущественная Трикси хотела сказать... - тихо проговорила единорожка, покраснев еще больше.

- Что сказать? - переспросил Питер и удивился, как хрипло прозвучал его голос.

- Хотела сказать... - единорожка вдруг вскинула мордочку и выпалила: - Я люблю тебя, Питер!

Не дав парню ответить, она подалась вперед и впилась в губы парня поцелуем. Передние ноги легли на плечи человека, а длинный, подвижный язык требовательно перешел в наступление, совершенно исключая дружескую природу поцелуя...

Питер, которого накрыло чувствами, секунду сидел неподвижно, уступив натиску единорожки. Мелькнула где-то и сгинула мысль о стоп-скрипте.

Наконец, руки легли на верхние плечи пони, а губы разомкнулись. Питер, до сих пор задававший себе вопрос, что он чувствует касательно живущей в квартире пониши, наконец понял, что получил ответ.

– Теперь, – сказала пони очень тихо, – сердце Трикси принадлежит тебе.

Питер колебался совсем недолго:

– Я тоже люблю тебя, Трикси. И как я не заметил этого раньше?..

Следующий поцелуй длился на бесконечность дольше первого, но все равно исчезающе мало.

Но Трикси, похоже, твердо решила идти до конца. Разомкнув объятия, единорожка встала на задние ноги. Рог осветился нежным светом, и Питер почувствовал, как его одежда начала сама собой расстегиваться, а великолепный наряд пони шелестящей волной опал на пол.

Под платьем ничего не было.

– Тебе нравится Великая и Могущественная Трикси? – спросила пони, отчаянно краснея, но смотря в глаза человеку.

Когда она появилась в доме, Питер сразу просветил ее о человеческих нормах морали, и пониша стала носить одежду, и даже спать в расшитой звездами тонкой ночнушке.

И прекрасно была осведомлена о том, что обнажение в присутствии небезразличного существа означает, грубо говоря, призыв к сексу.

Питер нашел в себе силы только кивнуть, не сводя глаз с грациозных движений стройного тела. Нечеловеческого, но все равно привлекательного – парадокс, которому было больше ста лет. Или скорее – коммерческий замысел тех, кто стремился в одном виде синтета совместить и детскую игрушку, и сосуд для утех, и полноценный разум. Нетривиальная задача, но живший сколько-то десятков лет назад создатель постарался на славу.

Очень скоро голос разума, взывавший к здравому смыслу, был заглушен стуком сердца и волной накативших чувств.

Свечи мигнули розовым и погасли.

Питер почувствовал, как нежные копыта Трикси мягко, но настойчиво заставили его лечь. Тут же поняша оказалась сверху, и после еще одного долгого и страстного поцелуя парень еле слышно спросил:

- Почему, Трикси?

Ответ единорожки был, похоже, давно готов:

- Потому что ты был единственным, кому было наплевать на мнение остальных о Трикси. Потому что ты без вопросов принял Трикси такой, какая она есть. Потому что... перестань болтать уже!..

...В эту ночь они почти не спали. Питер забросил подальше все мысли, нашептывающие о разумности, потому что сердцем давно понял: их чувства взаимны. И то чувство симпатии, что он испытывал, глядя на несправедливо обиженную Трикси в сериале, очень быстро переросло в нечто большее, когда единорожка, живая и настоящая, появилась в жизни.

Думая об этом, Питер лениво поглаживал мерно вздымающийся бок уснувшей пони, покрытый нежнейшей синей шерсткой.

От вымотанной до предела единорожки шел едва ощутимый, но приятный запах какой-то парфюмерии, перемешанный с кажущимся удивительно естественным ароматом девичьего тела.

На улице постепенно зажигался рассвет...

* * *

- ...Так ты первая начала? - удивленно спросила доктор Вельвет Ремеди, вырывая Трикси из воспоминаний.

Взгляд светло-фиолетовых глаз, в которых еще блестела влага, поднялся на вороную единорожку.

- И почему это всех так удивляет? - спросила Трикси, в сущности, ни к кому не обращаясь. -

Будешь слушать дальше?

- Конечно, - сказала Вельвет, - ты меня заинтриговала.

Синяя единорожка про себя отметила, что в водянисто-голубых глазах собеседницы мелькнуло искреннее удивление, а интерес в голосе сильно возрос.

- Ты ведь не осуждаешь Великую и Могущественную Трикси за чувства к человеку? - на всякий случай поинтересовалась поняша, подтянув на себя одеяло неосознанным движением.

- Что?.. - растерялась доктор. - А, нет, разумеется. Каждая пони должна сама решать. Так и Стивен говорит, хотя сам на пони не западает вообще.

Настал черед Трикси удивляться:

- Хочешь сказать, что он ни с кем из вас?..

- Ни разу. Он по человеческим девушкам больше, насколько я знаю. Там все сложно... хотя у кого в этом плане просто, право?..

Трикси сочла за благо продолжить рассказ, чтобы не пуститься в пространные объяснения, которые раньше времени вернут синюю единорожку к ее горю...

* * *

...По летнему парку, залитому светом солнца, шли двое.

Первым был молодой парень в футболке и джинсах, несущий спортивную сумку. Второй - синяя единорожка-синтет, одетая в белоснежные шорты и футболку. На голове пони с собранной в хвост гривой красовался теннисный козырек, а через спину были перекинuty небольшие сумки.

Пони шла рядом с человеком гарцующей походкой и довольно щурилась, подставляя мордочку солнцу. Ее сердце переполняло счастье. Простое понячье счастье, которого так и не удалось достичь в Эквестрии. Трикси слышала, что многие ее сородичи тоскуют по оставленной позади родине, и даже сделали из этого глупую религию.

Но только здесь, в огромном и не особенно приветливом мире людей, Трикси почувствовала себя по-настоящему счастливой.

Накануне она, наконец, решилась открыться приютившему ее человеку и всерьез опасалась, что он оттолкнет ее. Или обозначит черту, за которую в отношениях нельзя будет переступать, что сохранит их дружбу, но сильно ранит чувства синей единорожки.

Но обошлось. Чувства Питера оказались взаимными, и только навязанные шаблоны и стереотипы мешали ему первым раскрыть чувства перед пони.

И теперь каждый день и каждую ночь Трикси Луламун переполняло тепло любви.

– Трикси! – позвал ее кольт... вернее, бойфренд. – Вон там площадка, идем!

Через пару минут они уже играли в теннис, который был известен и на Земле, и в Эквестрии. Трикси, держа ракетку кинетическим полем, вполне обходилась без рук, и даже оказалась лучшим игроком, чем Питер.

Когда желтый мячик в очередной раз ударился о тыльную решетку площадки, пони взвилась на дыбы и провозгласила:

– Великая и Могущественная Трикси побеждает!

Питер Смит только улыбнулся, глядя на гарцующую любимую. Теперь, когда два сердца раскрылись друг другу, между ними не осталось недомолвок.

Лишь только одно.

Трикси любила поразмяться, и теннис подошел им обоим как нельзя лучше. Вообще, единорожка следила за физической формой, а теперь, когда они полностью сблизились, особенно.

Этот воскресный день они решили провести вместе, и следующим пунктом программы у них было спа. После этого – один из музейных комплексов Гигаполиса, и под вечер – столик со свечами в ресторане.

На ночь у обоих тоже были планы, хотя это и не обсуждалось.

Кроме того, на вечер Питер запланировал еще кое-что. «Кое-что» лежало на дне сумки в маленькой коробочке и дожидалось своего часа.

В спа Питеру пришлось ждать, пока любимая закончит все процедуры. Сам он успел и поплавать в бассейне, и в полной мере насладиться сауной и последующим массажем.

Когда же единорожка вышла в холл, Питер на мгновение обомлел. Видно было, что Трикси заставила работников спа выложиться по полной.

Вычурная прическа и причесанная шерстинка к шерстинке шкурка, темно-синее платье с серебристым узором и еще сотни мелких деталей, в общем и целом подчеркивающие общую картину.

– Великая и Могущественная Трикси готова к культурной программе! – заявила пони и, подойдя к сидящему на диване человеку, быстро чмокнула его в щеку. – Пойдем, ты еще налюбуйся мной за оставшийся день.

Питер тоже переоделся в более подходящий моменту костюм. Немного официальный, даже с галстуком, только осовремененный дизайн придавал костюму выбивающийся из понятий классики футуристичный вид.

Гуляя с Трикси по музеям и улицам Гигаполиса, Питер старался не замечать косых взглядов. Большинству, разумеется, было все равно. Но когда Питер и Трикси, забывшись, обнимались или целовались в общественном месте, человек краем глаза замечал, как на них неодобрительно косятся.

Больше всего Трикси понравилась выставка, где была представлена история знаменитых иллюзионистов. Гуддины, Копперфилд, Маскелайн и многие другие. Секреты фокусов, в том числе и утерянные, древнее и современное оборудование – все это крайне интересовало синюю единорожку, которая годами зарабатывала этим на жизнь в эквестрийских воспоминаниях.

К счастью, в ресторане был заказан отдельный альков, и ловить чужие взгляды не пришлось. И когда с пиршеством было покончено, а вино почти допито, Питер понял, что пора.

– Трикси, – позвал он, и аметистовые глаза поднялись на встречу, – я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, Питер, – тихо отозвалась пони, и Питер в очередной раз отметил, что в такие моменты та никогда не говорит о себе в третьем лице.

– Я хочу тебе сказать кое-что важное, – сказал Питер, чувствуя, как сердце тревожно стучит в груди.

Человек залез в карман, вытащил обшитую красным бархатом коробочку и протянул ладонь. Подарок окутался бледным сиянием и поднялся в воздух, подлетев вплотную к Трикси. Крышка открылась, явив миру кольцо, тускло блеснувшее в свете свечей.

- Трикси, будь моей женой, – тихо проговорил человек, когда коробочка упала на стол, оставив висеть в воздухе кольцо. Слишком большое, чтобы носить на пальце, но оно и не предназначалось для этого.

В глазах поняшки заблестела влага, когда она сумела, наконец, оторвать взгляд от подарка. По блестящей поверхности внутренней стороны тянулась надпись: «Трикси и Питер. С любовью, навсегда».

Питер знал ответ. Придерживаясь старомодных взглядов, совсем не популярных в Гигаполисах, он искренне считал, что взаимная любовь, тем более выраженная плотски, должна быть скреплена. И то, что их союз был обречен на бесплодие и презрение общества (хотя и не запрещался напрямую), не имело никакого значения.

«Мы что-нибудь придумаем, обязательно», – подумал Питер.

Единорожка, надев кольцо на рог, бросилась к нему на грудь и, обняв, ткнулась мордочкой в шею.

- Да, – тихо сказала она. – Я согласна... Согласна...

Питер почувствовал, как шеи коснулась влага: пони плакала от счастья. Сглотнув комок, он погладил шелковистую гриву, стараясь не растрепать прическу.

Они долго так сидели, обнявшись, но вскоре Трикси немного отстранилась. В огромных глазах по-прежнему была влага, но пони улыбалась. Тушь не потекла: Трикси использовала стойкую. То ли предусмотрела слезы, то ли просто на всякий случай.

- Великая и Могущественная Трикси – самая счастливая пони на свете... – тихо произнесла она, вырывая Питера из глупых мыслей...

* * *

...В клубе «Маяк» играла музыка, и по танцполу громко стучали десятки копыт и ботинок.

Уставшая и взмокшая Трикси, подбежала к барной стойке и, заполучив кружку холодного освежающего сидра, отбросила от мордочки непослушную прядку.

На ее роге красовалось золотое кольцо, в сиянии голограмм и огней бросающее веселые блики.

Пони не замечала косые взгляды, будто притягивающиеся этим блеском. Она была счастлива, любима как никогда. И давно уже не вспоминала о том, сколь одинока была в Эквестрии, для всех остальных пони бывшей чем-то вроде земли Обетованной.

Единственные, кто мог в чем-то понять синюю единорожку, были Дитзи Ду: жизнь серой пегасочки в стране пони тоже протекала не слишком радужно.

Увидев Питера, что сидел за столиком вместе со Стивеном Агиларом, Трикси помахала ему копытом, и ответный жест любимого наполнил сердце пони теплой радостью.

Стивен был другом Питера и жил на ранчо в Зеленом секторе. Когда бойфренд рассказывал Трикси об этом, он всегда делал такое лицо, как будто говорил о принцессе Селестии.

Насколько единорожка знала, когда-то Стивен вел довольно разгульную жизнь, но потом что-то случилось, и он, как говорил Питер, «взялся за ум». Ну а вскоре у него дома одна за другой появилось несколько пони, и теперь они все вместе жили на отдаленном ранчо.

Трикси, которой Питер рассказывал о неприглядной стороне жизни людей, в целом одобряла, что хоть кто-то помогает пони просто по доброте душевной. Хотя и подозревала, что их отношения с человеком в таком ключе могут сильно выбиваться из рамок просто дружеских.

Освежившись и отдышавшись, единорожка снова поцокала на танцпол: ее переполнял такой восторг, что хотелось плясать до упаду, прыгать и вопить словно жеребенку, обнять весь мир...

Новое для нее чувство, даже для Эквестрии незнакомое.

...Питер Смит проводил взглядом возлюбленную, что, опрокинув кружку сидра, снова убежала веселиться.

Положа руку на сердце, такую счастливую пони он никогда еще не видел.

Стивен Агилар же, тронув друга за руку, вернул его внимание к разговору.

– Ты слушал, о чем я говорил? – спросил он, немного хмурясь.

Питер Смит отвел взгляд от танцующих пони, в толпе которых была и его возлюбленная, с явной неохотой.

– Слушал. И надеялся на понимание хотя бы с твоей стороны.

Стивен прикрыл глаза и какое-то время подержался за переносицу. Сделал несколько глубоких вдохов, успокаиваясь.

Когда-то он слышал, что влюбленные не желают замечать ничего вокруг, но всегда полагал, что это метафора.

Но глядя на своего единственного оставшегося друга, Стивен Агилар понимал, что это абсолютно буквальное понятие.

– Я не осуждаю то, что вы делаете у себя дома, Пит, – сказал Стивен, – и верю, что ты действительно любишь Трикси...

– Зная тебя, сейчас будет «но».

Стивен кивнул:

– Будет. Но, – он выделил это слово, – не надо так демонстративно обозначать свои отношения. Помнишь Алана и его приятелей...

– Я не боюсь этих горлодеров.

– Да дело не в этом. Я готов поспорить, что минимум треть брони из «Маяка» связывает с их пони гораздо более глубокие отношения, нежели выставляется напоказ. Но ты же знаешь правила – в клубе это не обсуждается. А ты...

– А я, – раздраженно перебил Питер, – женюсь на Трикси, понятно? И пусть все об этом знают. Потому что она смогла мне раскрыть глаза на собственные чувства.

Стивен откинулся на диване и скрестил руки на груди:

– И как же, позволь узнать? Устроила романтический вечер, а ты в благодарность переспал с ней?

Питер поджал губы и пару секунд молчал. Потом все же сказал:

– Не хотелось бы оправдываться... но не я начал первым.

– Ну конечно. А стоп-скрипт?

Питер хлопнул ладонью по столу:

- Не хочешь - не верь! А еще друг...

- Питер, - примирительно сказал Стивен, - просто пообещай, что будешь осторожен, хорошо? Ты знаешь, что я всегда тебя поддержу. И уж конечно, далек от того, чтобы осуждать ваши чувства.

- Я буду осторожен, - сказал Питер.

Он снова бросил взгляд на счастливую танцующую пони, грива которой растрепалась, а мордочка расплывалась в счастливой улыбке.

Стивен проследил этот взгляд, вздохнул, но уже ничего не сказал.

Он уже слышал разговоры клубных блюстителей нравственности, возглавляемых самым непримиримым «паладином» Аланом Литлом.

Все они сходились во мнении, что Питер Смит соблазнил понишу, а теперь искал оправдание в том, что демонстрировал свою готовность жениться на ней.

И не то чтобы браку с синтетом, даже нечеловеческим, были какие-то юридические препятствия: либеральная истерия двадцать первого века позволяла любому гражданину строить свою личную жизнь в соответствии с желаниями и возможностями. Истории были известны случаи бракосочетания людей с животными, роботами, транспортными средствами, секс-игрушками, виртуальными программами. Что уж говорить про живых синтетов, обладающих полноценным разумом?

Другое дело, что в клубе «Маяк» был ряд писанных и неписанных правил, согласно которым на интимные отношения между людьми и пони накладывалось некое табу. И если до того, чем «особенные друзья» занимаются дома по обоюдному согласию, клубу дела, в общем, не было, то явная демонстрация близких отношений могла привести к общественному осуждению. Вплоть до исключения из клуба с непременным пожеланием идти в «Пони-плей», что представлял собой натуральный вертеп вседозволенности.

И насколько Стивен знал, остракизму в «Маяке» подвергались и за меньшее. Хотя и не так часто, как могло бы показаться: в клубе, преимущественно, собиралась публика, ценящая дружбу с пони отнюдь не за своеобразные утехы, а вполне себе за провозглашаемые сериалом идеалы.

Хотелось бы верить, что Алан и компания не воспримут такую демонстрацию чувств как вызов...

* * *

Клуб «Маяк» предоставлял припозднившимся друзьям комнаты на ночь. Или просто диванчик в холле для тех, кому не обязательно спать на кровати. Плюс ненавязчивые закуски, большой экран телевизора и даже удобства вроде душа.

Но синяя единорожка и молодой парень решили, что прогуляются через парк, а потом вызовут флаерное такси.

Не хотелось оставаться в клубе, где группа упертых идиотов спровоцировала очередной скандал и разборки на основании собственных заблуждений.

Питер мысленно поморщился, вспомнив громогласные обвинения Алана Литла и ставшие уже привычными молчание или безразличие остальных.

Все же брони в большинстве своем были людьми мягкими и неконфликтными, и вступать в перепалку с агрессивным «паладином» не желали.

Даже Стивен Агилар, но тот по другой причине: просто давно уже махнул рукой на идею донести до закоснелых умишек хоть какой-нибудь разумный аргумент.

Питер не стал тогда оправдываться или врать. Обняв Трикси, которую напугал напор Алана и его друзей, он сказал все как есть. Про чувства и любовь, а также про намерения связать свою жизнь с синей единорожкой.

Но все же, Алана не убедило даже кольцо на роге Трикси.

И слова ее самой тоже не возымели действия. Алан просто посмотрел на поняшу так сочувственно, будто знал о ее чувствах больше нее самой, и, не ответив, удалился.

...Район, в котором располагался клуб «Маяк», слыл спокойным и безопасным. Настолько, насколько это вообще возможно для Серого Города.

Поэтому молчаливые фигуры, вышедшие из теней навстречу влюбленной паре, даже не вызвали опасений.

Лишь когда они преградили пони и человеку путь, те, словно спрыгнув со счастливых небес, одновременно уставились на трех людей.

Услышав шаги сзади, Питер оглянулся и увидел еще два силуэта на фоне падающего на аллею конуса света.

– У меня нет наличных, – сказал парень, очень стараясь, чтобы голос не дрогнул, – а от кредитки вам толку не будет.

– Не нужны нам твои деньги, – отозвалась темнота голосом Алана Литла, – поганый клопер.

Питер даже не нашелся, что сказать на это.

Алан и еще четверо ребят ушли из клуба раньше, но никому в голову не могло прийти, что они соберутся подстеречь Питера... для чего?

– Ну и чего вам всем надо еще? – спросил парень, желая это выяснить побыстрее.

Трикси же, пока не вмешиваясь в разговор людей, подняла голову и проговорила:

– Питер, Великая и Могущественная Трикси... хочет домой...

– Нам надо, – сказал тем временем Алан Литл, – чтобы ты перестал пудрить мозги поняше и признался ей, что затащил в постель только из похоти...

– Великую и могущественную Трикси никто не затаскивал в постель! – возмутилась тем временем единорожка, встав на дыбы и обняв любимого, но ее, кажется, никто не слушал:

– А чтобы ты понял, – закончил тем временем непрошенный блюститель нравственности, – мы тебя немного поучим...

...Следующие несколько секунд слились для Трикси Луламун Смит в круговерт из лиц, криков и ударов.

К счастью, никто не стремился попасть при этом в пони, которая впервые в жизни видела столь неприкрытое насилие.

Ей даже во сне не могло присниться, что люди могут быть настолько страшными.

Волшебная ночь моментально обернулась кошмаром, когда в полумраке замелькали кулаки и ноги, раздались крики и ругательства.

Пискнув от ужаса, единорожка беспомощно отползла в сторону, чтобы не быть затоптанной дерущимися людьми, которые сейчас казались ей еще больше, чем есть на самом деле.

Она видела, как Питер расквасил нос одному из приятелей Алана Литла, ударом ноги в живот осадил еще одного, но под градом ударов и сам согнулся, а после и упал на колени.

Трикси видела, как Алан Литл ударил Питера ногой в лицо, и тот, издав громкий стон, был вынужден распрямиться. Подняв на своего противника глаза и бросив мимолетный взгляд на замершую в ужасе пони, он вдруг взвился на ноги и мощным ударом в челюсть опрокинул Алана.

В следующий миг Питер получил удар кулаком по затылку от одного из оставшихся на ногах человека и, схватившись за голову, отступил на шаг. И, видимо, поврежденная в драке нога подвела его, потому что парень начал заваливаться.

И все бы ничего, если бы на его пути не оказалась тяжелая парковая скамейка с витыми коваными поручнями...

...Глухой хруст прозвучал подобно грому.

И наступившую тишину разорвал отчаянный, страшный крик Беатрикс Луламун...

Потом она уже не видела ничего перед собой, не слышала ни звука.

Не видела, как к ней подошел покачивающийся Алан Литл и подбежал Стивен Агилар в сопровождении двух полицейских и одной Рейнбоу Дэш, обеспокоенно кружившей в воздухе.

Не слышала пони и того, как Алан сказал ей не без торжественности «Ты свободна!», после чего тут же полетел на землю от отчаянного удара Стивена Агилара, что вложил в единственный апперкот всю свою ярость ...

* * *

– ...Остальное ты знаешь, – закончила Трикси Луламун Смит, только сейчас почувствовав, что по ее щекам катятся беззвучные слезы. – Когда с похорон все разошлись, я осталась. Мне некуда было идти: дом Питера перестал быть домом для меня, своего не было, а идти в клуб и смотреть на убийц мне даже в голову не пришло. Да и не было никакого смысла думать об этом: моя жизнь кончилась вместе с жизнью Питера...

Вельвет Ремеди обратила внимание, что синяя единорожка говорит о себе в первом лице, как всегда случалось, очевидно, при сильных переживаниях.

- Что ж, теперь у тебя есть дом, – сказала доктор, но Трикси отвела взгляд:

- Вам не надо было спасать меня. Я не просила...

- Понимаю, – вздохнула вороная пони, – мир людей – довольно неоднозначная штука...

- Мне не стоило покидать Эквестрию, – тихо сказала Трикси. – Пусть у меня там не было счастья. Но, по крайней мере, нельзя потерять то, чего нет. Вместе со смыслом жизни.

Вельвет Ремеди вздохнула.

Она могла бы рассказать, что эквестрийские воспоминания – искусственные. Что волшебная страна под мудрым руководством принцессы Селестии – выдумка, жестокий обман одних людей, созданный для выколачивания денег из других.

Все пони раньше или позже узнавали правду. Хотя не все могли поверить даже после того, как им активировали соответствующий скрипт. Потому что это было слишком чудовищной правдой: знать, что вся твоя прежняя жизнь – чья-то выдумка.

Обрушивать на Трикси прямо сейчас еще и это стало бы не только жестоко, но и подло.

Поэтому Вельвет сказала:

- Вот что, Трикси... В этом доме живет довольно много пони уже, и все мы хотели бы, чтобы ты осталась с нами. По крайней мере, пока, и не пытайся с собой что-то сделать.

- Великая и Могущественная Трикси... иногда думала об этом, – призналась синяя единорожка, вздохнув.

- Уверена я в одном, – доктор взяла копыто собеседницы своим в доверительном жесте. – Питер не хотел бы твоей смерти. И твоих слез. Поэтому... просто дай миру второй шанс.

- С чего бы?

- Твайлайт Спаркл в Эквестрии дала тебе второй шанс, – заметила Вельвет, – и, судя по сериалу, не зря. И мир людей, хотя в это и трудно поверить, не настолько плох.

Трикси промолчала. Она видела, что происходило в Эквестрии после того, как она покинула волшебную страну, оставив в ней двойника из Озера Отражений.

Видела свою новую подругу, ученицу самой Твайлайт, которая – вы подумайте только! – стала

натуральной принцессой.

- Хорошо, - сказала Трикси, - я... подумаю.

- Обещай, что не будешь делать глупостей, хорошо? Не хотелось бы, чтобы все наши усилия по твоему спасению оказались бесплодными.

Трикси вздохнула и думала долгих несколько секунд.

Затем подняла глаза на Вельвет Ремеди и сказала:

- Я обещаю...

Вельвет улыбнулась:

- Вот и ровненько.

Она было поднялась, но Трикси удержала собеседницу за копыто:

- Ты обещала что-то рассказать.

- А, - Вельвет усмехнулась. - Помнишь, я сказала, что мир людей, в сущности, не так уж однозначно плох?

- Да. Хотя Великой и Могущественной Трикси сложно представить, что где-то может быть хуже.

- О. Послушай мою историю и потом подумай еще раз.

- Ты ведь тоже из Эквестрии, как можно сравнивать наши миры вообще?!

- Ну скажем так... я из одного из вариантов будущего Эквестрии. Признаться, я даже не знаю, с чего начать. Ты слышала о ядерном оружии?..

...Трикси слушала и чувствовала, как в груди поднимается волна ледяного ужаса, вытесняющая даже мысли о собственном горе.

Эквестрия, принцесса Селестия, весь привычный уклад - все было уничтожено ужасающей магией, так напоминающей по своим свойствам самое жуткое человеческое оружие. Вернее, будет уничтожено, если верить словам Вельвет Ремеди. Не пройдет и полувека после того,

как...

- Стоп, - вдруг сказала Трикси, - но по твоим словам, Твайлайт Спаркл не стала принцессой, а возглавила министерство. А я видела в сериале...

- Я же говорила, - перебила Вельвет, - что это только вариант будущего. Для людей - вообще всего лишь одна древняя книжка.

Синяя пони задумалась:

- А что стало с Трикси?

- А Трикси, - в тон собеседнице ответила Вельвет, - обрела невероятное могущество, о каком даже мечтать не смела... правда, дорогой ценой.

Вороная единорожка сделала паузу, и бывшая фокусница не выдержала:

- Теперь тебе удалось пробудить любопытство Великой и Могущественной Трикси!

- Ладно, - улыбка Вельвет Ремеди стала лукавой, - мне сейчас нужно будет сходить и проверить кое-что, а потом я вернусь и расскажу тебе на ночь страшную сказку под названием «Фолаут: Эквестрия».

- А... - начала было Трикси, но Вельвет добавила:

- Если будешь хорошей пациенткой. Договорились?

На этот раз Беатрикс Луламун Смит дала обещание уже с легким сердцем.

Но как выяснилось, и это было еще не все.

Уже возле дверей вороная единорожка обернулась и сказала с улыбкой:

- А чтобы ты не скучала, отдам тебя на растерзание вечериночному монстру...

И с этими словами она открыла дверь, впуская в палату розовый ураган...